

ГЛАВА ПЯТАЯ

Управление и постановка счетоводства и отчетности в 1818–1861 годах

I

Во главе Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, согласно «Положению» о ней, стоял управляющий, который и решал все важнейшие дела, касающиеся вверенного ему учреждения. Он прямо сносился с министром финансов, получая от него предписания и представляя ему доношения; к нему непосредственно направлялись такие дела, как об изменении штатов Экспедиции, об устройстве для нее новых зданий или мастерских, об установке новых машин и о денежных средствах для всего этого.

Управляющий Экспедицией мог издавать, с утверждения министра финансов, распоряжения, регулирующие ход дел в Экспедиции. Так, в 1818 г. было выработано тогдашним управляющим Экспедицией Хованским «Краткое начертание правил и обязанностей чиновников, составляющих Экспедицию Заготовления Государственных Бумаг, учиненное по содержанию высочайше утвержденного в 21 день августа 1818 г. Учреждения сей Экспедиции». Оно состояло из 3-х глав и 89-ти параграфов, определявших обязанности служащих в правлении и обоих отделениях Экспедиции¹. В 1823 г., опять-таки с утверждения министра финансов, Хованский внес в указанный «Начертанием» «ход дел по Экспедиции» некоторые изменения, а именно: «во избежание излишнего перече́та листов при наступлении их из типографического отделения в нумерацию, а потом в правление» предложено было, «чтобы нумерование ассигнационных листов и отпуск оных, а также гербовых бумаг из Экспедиции, производились при ревизорах правления в типографическом отделении»². Более мелкие распоряжения, направленные по адресу отдельных лиц, делались управляющим Экспедицией вполне самостоятельно. Узнав, например, что смотрители на Екатеринингофской фабрике «не имеют должного внимания к своим обязанностям» и часто оставляют мастерские «без должного с их стороны надзора», Хованский «в отвращение таковых беспорядков» 5 октября 1850 г. предписал: «во время часов, определенных для производства работ, находиться в мастерских по очереди каждому и иметь должное наблюдение за рабочими, доставляя управляющему Экспедицией ежедневные ведомости»³.

Управляющий Экспедицией сносился также от своего имени с высшими местами, когда им приходилось иметь дело с Экспедицией; на его имя, наконец, направлялась секретная переписка министра финансов с Экспедицией, переписка, кстати сказать, почти исключительно возвращавшаяся около вопросов о фальшивых ассигнациях: министр сообщал, например, что имеются сведения о распространяющихся в той или другой губернии фальшивых бумажках, что ходят слухи, будто «злонамеренные люди из Англии» отправили в Россию специальных посланцев, чтобы добыть бумаги, приготавливаемой для ассигнаций, и затем напечатать на ней ассигнации; запрашивал, не похищено ли каких принадлежностей для печатания ассигнаций и т. п.; затем, в секретной переписке идет ряд предложений новых машин и новых способов делать бумагу, которую невозможно было бы подделать и т. д.⁴

Для решения дел, относящихся к внутреннему управлению Экспедицией, особенно же — для дел, связанных со специальными задачами, ей именно порученными, в Экспедиции состояло правление, в которое первоначально входили управляющий Экспедицией, два члена правления и правитель канцелярии правления. Позже, с введением штата 1821 г., было установлено, чтобы в правление Экспедиции приглашались также управляющие отделениями бумагоделательным и типографским, по делам, касающимся этих отделений, и при торгах⁵. Правление Экспедиции собиралось, как видно по сохранившимся его журналам, ежедневно, за исключением дней неприсутственных; все его журналы подписаны управляющим, обоими членами и правителем дел за одним, впрочем, исключением: в журнале за первую половину 1831 года под № 133 читается следующая запись: «24 числа июня 1831 г. по случаю открывшейся в С.-Петербурге холеры заседания в правлении Экспедиции не было, и никаких денежных оборотов не производилось. Правитель канцелярии Петр Яхнов». С 26 июня заседания опять уже шли ежедневно; в журнале 26 июня записано, что, по предписанию министра финансов, в здании Экспедиции открывается лазарет на 25 человек для заболевших ее чиновников и рабочих; 7 июля командированы были в Экспедицию временно два фельдшера⁶.

Весьма маловероятно, чтобы управляющий Экспедицией действительно присутствовал ежедневно в заседании правления. Первый управляющий Экспедицией, Хованский, стоявший во главе ее с самого ее учреждения до 1850 г. и бывший вместе с тем «управляющим всеми частями Государственного банка», положительно, не мог иметь достаточно времени, чтобы ежедневно заседать в правлении и слушать все дела, по которым составлялись затем журналы, тем более что, как уже

сказано, важнейшие дела поступали прямо к нему, в правлении же рассматривались дела текущие. По-видимому, подпись управляющего под журналами правления имела значение утверждения этого журнала.

Нет необходимости перечислять такие действия правления, какие оно должно было совершать, как и всякое другое правительственное место; таковы, например, постановления о выдаче жалованья и о производстве разных хозяйственных расходов, о приеме казначеем ассигнованных учреждению сумм, о получении экономом разных материалов, ведение списка служащих — включение одних, исключение других и т. п.; мы отметим здесь только такие функции правления Экспедиции, которые ему одному принадлежали в связи со специальной деятельностью Экспедиции.

Ежедневно правление заслушивало отчеты о работах, произведенных накануне в обоих отделениях, затем рассматривало сведения о бумаге, переданной из отделения бумажного в типографское, затем оно делало постановления: об истреблении бракованных листов, об отпуске ассигнаций в Государственный банк и об истреблении, с соблюдением установленного порядка, ветхих ассигнаций; об исполнении этих постановлений делались соответственные пометы; далее записывались новые заказы, а по изготовлению нарядов делались постановления об отпуске исполненного. В виде исключения встречаются в журналах правления такие записи, как, например, о приводе к присяге служащих Экспедиции императору Константину Павловичу 28 ноября 1825 г., о приводе к присяге императору Николаю Павловичу 16 декабря 1825 г. и о назначении 10 чиновников Экспедиции к встрече императора Александра Павловича 23 декабря 1825 г.⁷

II

В начале 40-х годов XIX в. правлению Экспедиции пришлось принять участие в совершенно особом деле, связанном с новым изданием Свода законов. 20 июля 1842 г. кредитная канцелярия предложила Экспедиции рассмотреть приготовленный во II-м отделении Собственной его величества канцелярии «Свод учреждений и уставов государственных кредитных установлений», обратив внимание на то, «все ли действующие ныне по части кредитной законы вошли в сии уставы и в точном ли и истинном их смысле, и не приведены ли законы излишние, уже действия не имеющие».

Приступив к выполнению указанной задачи, правление Экспедиции нашло в «Своде» немало пропусков: в нем, напр., не были помещены

многие узаконения, существенно изменившие высочайше утвержденные 21 августа 1818 г. «учреждение» и «штат» Экспедиции. В особой записке правление подробно перечислило те изменения, которые необходимо было внести в статьи 1027, 1029, 1034, 1037 и 1043 указанного «Свода», определявшие, главным образом, состав служащих Экспедиции и их права.

Кроме того, правление Экспедиции признало нужным заменить удержанное в «Своде», на основании вышеупомянутого «учреждения» об Экспедиции, выражение «ассигнационная и гербовая бумага» выражением «государственные бумаги»: дело в том, что, действительно, задачей Экспедиции, при самом ее возникновении, было приготовление лишь ассигнационной и гербовой бумаги; однако вскоре ей пришлось изготавливать также билеты Государственного казначейства, подорожные и квитанционные бланки, почтовые расписки и бандероли на табак, а с 40-х годов — еще билеты депозитной кассы и кредитные билеты, заменившие собой прежние ассигнации, производство которых теперь было прекращено. Так, напр., правление Экспедиции в статье 1029 «Свода» фразу: «Предметы первого отделения суть: 1-е, производство делания ассигнационной и гербовой бумаги, по предписанию правления» предлагало редактировать следующим образом: «Предметы первого отделения суть: 1-е, производство делания государственных бумаг по предписаниям правления» точно так же соответствующие изменения надлежало внести, по мнению правления, и в статью 1041, где говорится: «Все действия по изготовлению ассигнационной и прочей гербовой бумаги и по отпечатанию первой и отштемпелеванию последней производятся правлением посредством учрежденных для сего отделений». Соображения правления Экспедиции по поводу проектированного «Свода учреждений и уставов Государственных Кредитных Установлений» управляющий Экспедицией 27 июля 1842 г. представил министру финансов гр. Е. Ф. Канкрину⁸.

9 марта 1843 г. вице-директор кредитной канцелярии И. И. Ламанский обратился к управляющему Экспедицией с новой просьбой оказать ему содействие при рассмотрении проекта главы нового уложения о наказаниях, касающейся нарушения постановлений о кредите. В статье 7-й означенного проекта, между прочим, определялось наказание чиновникам кредитных установлений лишь «за злонамеренную выдачу в ссуду более дозволенного или же не на тот предмет, на который дозволено сделать ссуду», между тем, как это указывалось в объяснительной записке II отделения Собственной его величества канцелярии, «кроме общих всем чиновникам преступлений и проступков по службе, чинов-

ники кредитных установлений могут быть виновны и в других злоупотреблениях по предметам особенного их круга действия и особых обязанностей». Так как II отделение не имело «материалов для начертания полных, достаточных по сему правил», то и обратилось в Министерство финансов с просьбой «дополнить постановления сей статьи существующими уже или имеющимися в виду министерства правилами».

Получив просьбу И. И. Ламанского «по соображении с делами ассигнационного банка и Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг возможных случаев злоупотреблений, сообщить об оных ему, без промедления времени», Хованский передал дело правлению Экспедиции.

Последнее, как это видно из его журнала от 13 марта 1843 г., нашло, что, кроме общих всем чиновникам преступлений и проступков по службе, в Экспедиции, по свойству возложенных на нее задач, можно предположить со стороны состоящих в ее ведомстве чиновников и мастеров преступление, заключающееся в раскрытии тайны состава и приготовления государственных бумаг. По заведенному в Экспедиции порядку, основанному на «Учреждении» о ней 1818 г., чиновники при поступлении в нее на службу обязываются особым реверсом в том, что они «как во время служения в Экспедиции, так и по выбытии из оной должны содержать в глубочайшей тайне и никому, даже своему семейству, не открывать ничего, что как-нибудь может сделаться им известно о составе массы для государственных бумаг и вообще о всем порядке или способе приготовления оных и нужных для того инструментах; также молчание соблюдать о всяких работах Экспедиции, под опасением строжайшего взыскания за нарушение этой обязанности». В свою очередь, и мастера обязываются особым пунктом, который вводится в заключаемые с ними контракты, «состав и приготовление всяких государственных бумаг содержать в глубочайшей тайне от всех, не принадлежащих Экспедиции лиц, и даже от своего семейства».

Хотя со времени учреждения Экспедиции не было примера, чтобы кто-нибудь из ее служащих нарушил принятое на себя обязательство, тем не менее, правление вполне справедливо указывало, что если бы подобное преступление было совершено, то наложить на преступника «строжайшее взыскание» было бы затруднительно, так как в правилах, данных Экспедиции для руководства в своих действиях, «положительного, за нарушение таковых обязательств, постановления не сделано». Считая необходимым «определить в подобном случае решительную меру наказания», и притом «не иначе, как по могущим открыться от разглашения упомянутой тайны последствиям», правление вместе с управляющим предлагало ввести в проектируемое уложение следую-

щую статью: «Если бы чиновник или мастер, или мастеровой ведомства Экспедиции покусился разгласить тайну, вопреки данному ими обязательству, таковой должен подвергаться наказанию, смотря по степени злоумышления и вреда, от того происшедшего или очевидно в намерении бывшего». Статья эта была выработана правлением Экспедиции на основании XV тома «Свода законов», а именно, на основании статьи 308 главы III «о разглашении дел, тайне подлежащих», и статей 498 и 499 главы II о подделке казенных печатей и штемпелей⁹.

III

Из других экстраординарных дел, которыми приходилось заниматься правлению Экспедиции, отметим еще два. Прежде всего, к Экспедиции обращались за окончательным решением всякий раз, как возникало сомнение относительно подлинности ассигнаций или других государственных бумаг. Запросы такого рода, как было уже отмечено, Экспедиция получала и от министра финансов, и от разных административных и судебных мест. К решению этих дел управляющий Экспедицией обычно привлекал правление, которое, прежде всего, сверяло подписи кассиров и номера. Когда же и при правильности тех и других все же оставались сомнения в верности, правление Экспедиции решало вопрос на основании изучения бумаги и печати. Большей частью решение Экспедицией таких вопросов уже не вызывало ни возражений, ни сомнений; но был и такой случай: Экспедиция признала один весьма крупный банковский билет настоящим, а правление Заемного банка утверждало, что и качество бумаги, и ее цвет, и печать — не сходны с таковыми же на подлинных листах; по этому вопросу производилось целое следствие, но нам неизвестно окончательное решение. Иногда суды запрашивали — вексельная бумага в известном году с какими водяными знаками делалась и т. п.¹⁰ В 1852 г. в Экспедицию прислал три листа довольно ценной гербовой бумаги московский обер-полицмейстер, «по сомнению, что она была исписана и потом чернилами вытравлена». По удостоверении начальника типографского отделения Рейхеля, что бумага действительно вытравлена, правление Экспедиции, донеся об этом через управляющего Экспедицией Ремезова министру финансов, с одной стороны, предложило упомянутому Рейхелю «для отвращения на будущее время подобных злоупотреблений, — приискать к тому средства»¹¹.

Бывали случаи, что в Экспедицию присылались ассигнации обгоревшие и погнившие, или случайно совершенно разорванные, которые представлялись министру финансов разными частными лицами, хо-

датайствовавшими, чтобы им выданы были, взамен представленных, новые; такие прошения были нередко удовлетворяемы, и Экспедиция изготовляла тогда, вместо старых и попорченных, новые, за теми же номерами, делая, если было нужно, соответственные пометки в книгах¹².

Другое дело, занимавшее иногда внимание правления Экспедиции, состояло в том, что ему приходилось принимать возвращавшиеся ассигнации. Они доставлялись из Государственного банка подобранные уже в порядке номеров; в Экспедиции проверяли их номера по спискам, по каким были они отпущены, и, по особым постановлениям правления, сожигали; вместо изъятых таким путем из обращения ассигнаций, в случае надобности, как это будет указано ниже, изготовлялись новые¹³. Государственный ассигнационный банк тяготился обязанностью подбирать ветхие ассигнации по номерам, и время от времени ассигнации эти доставлялись в Экспедицию не в порядке номеров. Наконец, в 1834 г., когда снова присланы были они не подобранными, правление Экспедиции потребовало, чтобы привезший их чиновник банка присутствовал все время при приведении их в порядок, и чтобы до окончания этого ассигнации хранились в Экспедиции на его ответственности; так как он на это не согласился, то Экспедиция отослала присланное обратно в банк. Случай этот был передан на разрешение министра финансов, который нашел, что приведение в порядок по номерам ассигнаций, предназначенных для уничтожения, лежит на обязанности комиссии погашения государственных долгов¹⁴.

IV

Кроме своей обычной деятельности по заведыванию разными частями Экспедиции и разрешения некоторых дел экстраординарного порядка, правление Экспедиции много времени отдавало делу счетоводства и отчетности, разделяя, впрочем, этот труд с обоими отделениями, бумагоделательным и типографским. Здесь, в области постановки дела счетоводства и отчетности, Экспедиция, нужно признать, за первый период своего существования, т. е. с 1818 по 1861 год, не сумела стать на должную высоту, вследствие, с одной стороны, чрезвычайной сложности ее производства, с другой — общего характера бывших тогда в России контрольных способов и норм.

«Положение», изданное для руководства Экспедиции в 1818 г., заключало в себя две статьи, посвященные устройству счетоводства, 23-ю и 24-ю, в которых было сказано следующее: «правление и отделения Экспедиции ведут каждое по части, до них принадлежащей, счетные

книги, наблюдая, чтобы оные были в совершенной исправности», и «сии книги должны быть шнурованные, за печатью правления и за подписанием управляющего Экспедицией»¹⁵. В развитие этих статей правление Экспедиции постановило 16 сентября того же 1818 года завести шнуровые и нешнуровые книги. Таких книг в правлении должно было быть 8, из которых одна предназначалась для прихода и расхода суммы, получаемой на содержание и действие всех частей Экспедиции, по две для отделанных и для забракованных ассигнационных листов, одна для суммы на жалованье и канцелярские потребности и две для отштемпелеванной гербовой и прочей бумаги. Сверх того, в правлении надлежало вести еще 15 нешнуровых книг: пять балансовых для ассигнационных листов, шесть для записи прихода и расхода материалов и по две для записи прихода и расхода, с одной стороны — гербовой и прочей бумаги, с другой — денежной суммы.

По отделению бумагоделательному было решено иметь 10 книг шнуровых и 4 нешнуровых. Первые предназначались для записи прихода и расхода ассигнационных листов, гербовой бумаги, вексельной, почтовой, актовой и билетов комиссии погашенных долгов, а также для записи прихода и расхода «жалованной и канцелярской суммы» и «поступаемых и выдаваемых материалов на делание всех бумаг». Наконец, в типографском отделении полагалось нешнуровых книг 11 и шнуровых 10. Из нешнуровых книг пять должно было быть балансовых, две для прихода и расхода материалов и четыре для ежедневной записи гербовой, вексельной, актовой бумаги и билетов Комиссии погашения долгов. Шнуровые книги предназначались в количестве шести для прихода и расхода только что указанных бумаг и по одной для прихода принимавшихся из бумагоделательного отделения ассигнационных листов, для расхода отпускаемых в правление совершенно отделанных листов, для расхода при производстве работы бракованных и при подписке в банк испорченных листов и, наконец, для прихода и расхода «жалованной и канцелярской суммы»¹⁶.

Число книг и их назначение с течением времени, по мере расширения и усложнения производства Экспедиции, изменялись, как это видно, напр., из сохранившегося «Реестра шнуровым книгам на 1840 г.». В это время в правлении Экспедиции велось уже 18 шнуровых книг. Из них у кассира правления было три: одна для записи прихода и расхода штатных сумм, вторая — прибыльной суммы и третья — денег, выдаваемых нижним служащим; у эконома — пять, из которых в двух записывались годные вещи и негодные и в трех — расход и приход материалов по хозяйственной части, по I-му и по II-му отделениям; у экзекутора —

четыре книги: три для записи прихода и расхода денег, материалов и провианта и одна, находившаяся у смотрителя приобретенной Экспедицией Екатеринбургской бумажной фабрики, — для записи привоза и вывоза материалов; наконец, у ревизоров — шесть: одна для записи прихода и расхода форм в черпальной, другая для записи производства работ в этой мастерской, третья для стереотипов в типографии, четвертая для записи производства типографских работ, пятая для записи бандеролей и шестая для записи производства работ в секретных мастерских. В I-м отделении существовало три книги: в одной записывались приход и расход материалов по «всем предметам», в другой — годных гербовых бумаг и в третьей — бракованных гербовых бумаг. По II-му отделению велось шесть книг: первая для записи прихода и расхода материалов по «всем вообще предметам», вторая для записи печатания разных бумаг, третья для записи инструментов и вещей, четвертая и пятая для записи прихода и расхода гербовой бумаги и шестая для записи прихода и расхода свидетельств, таможенных объявлений и других бумаг. Книги эти, как видно из журнала правления от 30 декабря 1840 г., ежегодно возобновлялись: старые отбирались в архив, а взамен их выдавались новые, за подписью управляющего Экспедицией и за его печатью¹⁷.

Вообще в деле счетоводства правление Экспедиции и оба отделения руководствовались, кроме «положения», «инструкцией» 1818 г. и «Краткого начертания правил» 1820 г., еще также предписаниями управляющего Экспедицией. Так, по предложению Хованского, были составлены особые «правила ревизии счетов хозяйственной части», рассмотренные и утвержденные правлением 28 сентября 1840 г. По учету приходных статей, этими правилами требовалось, чтобы накладные на привозимые от поставщиков по контрактам и по другим обязательствам материалы и вещи, по записке их экзекутором или его помощником в особую шнуговую книгу, поступали в бухгалтерию для сличения с названной книгой. Самые же материалы и вещи, после одобрения их мастерами, передавались в распоряжение эконома, который подавал об их приеме в бухгалтерию уведомление, засвидетельствованное членом по хозяйственной части и осматривавшими их мастерами. Бухгалтерия, записав эти материалы и вещи по упомянутым уведомлениям в приход и сделав на квитанциях надлежащие отметки, сличала свой счет с книгой хозяйственной части, а квитанции возвращала эконому для передачи подрядчикам. О забракованных мастерами и возвращенных подрядчиками материалах и вещах эконом давал знать экзекутору особыми записками, которые последний вносил в вывозную шнуговую книгу, а затем передавал в бухгалтерию, где эти записки сличались с экзекуторской книгой,

причем бухгалтерия делала на накладных свои отметки, что такие-то материалы приняты, а такие-то возвращены за негодностью. Для приобретения материалов и вещей хозяйственным способом «Правила» предписывали, чтобы эконоом, испросив на это разрешение управляющего Экспедицией, предъявлял докладную записку правителю канцелярии, который передавал ее бухгалтеру; купив необходимые материалы и вещи и записав их в книгу, эконоом в дальнейшем поступал так же, как и в указанном выше случае. По учету расходных статей в «Правилах» было постановлено, чтобы все книги эконоома бухгалтерия поверяла журналами производителей работ и книгами отделений и эскутатора; вследствие этого расходующие эконоома или его помощником материалы и вещи должны были записываться в книгу по журналам производителей работ с их расписками под статьями и по освидетельствовании сделанных вещей или произведенных работ членом по хозяйственной части; осветительные же и другие материалы, употребляемые полицейской частью, предписано было отпускать под расписку эскутатора, а поступавшие в I-е и II-е отделения — под расписки смотрителей и прочих лиц, наблюдавших за их расходом¹⁸.

Кроме ведения книг, оба отделения и прочие части Экспедиции обязаны были доставлять в правление Экспедиции ежедневно краткие записки о своей деятельности и ежемесячно более или менее подробные ведомости. В этих последних помещались, напр., данные, с одной стороны, о количестве приготовленных ассигнационных листов и позже кредитных билетов, гербовой бумаги, билетов приказа общественного призрения, книжек сберегательных касс и прочих государственных бумаг, а также и частных заказов, а с другой — о материалах и вещах, употреблявшихся для производства работ в обоих отделениях, а также расходовавшихся по полицейско-хозяйственной части: для отопления и освещения мастерских и других помещений Экспедиции и т. д.¹⁹

Правление, в свою очередь, давало еженедельные мемории о своих занятиях и ежемесячные ведомости об оборотах денежных сумм по Экспедиции министру финансов²⁰ и ему же присылало, по окончании операционного года, полный отчет о приходе и расходе сумм, листов и материалов, вносившийся в речь, которую он произносил в заседании совета кредитных установлений²¹, и в общей отчет по Министерству финансов, который представлялся государю²². Представление еженедельных меморий и ежемесячных ведомостей министру финансов продолжалось до 1859 г., когда оно было отменено, согласно высочайше утвержденному 1 июня мнению Государственного совета. Представление это «приумножившихся занятиях Экспедиции Заготовления Государственных

Бумаг, — писал министр финансов в докладной записке, — <...> возлагает на Экспедицию немаловажный труд, без особой в том надобности, так как занятия Экспедиции достаточно видны из месячных ведомостей о приготовленных разных государственных бумагах, а также из особых сведений о приготовлении собственно кредитных билетов». С этого времени данные о приходе и расходе денежных сумм Экспедиция обязана была представлять министру финансов лишь раз в год²³. Годовые отчеты о приготовленных и отпущенных в Ассигнационный банк бумажных денежных знаках правление Экспедиции посылало еще и непосредственно совету кредитных установлений, который для их обрешивания составлял из своих членов особый ревизионный комитет, сличавший доставленные сведения с данными подлинных книг Экспедиции²⁴. В более полном виде, т. е. не только о приготовлении и отпуске ассигнационных листов, но и по некоторым другим оборотам отчеты Экспедиции в первое время ее существования обыкновенно рассматривались еще Государственной экспедицией для ревизии счетов при Государственном контроле, которая их большей частью и утверждала, находя «оныя верными» и лишь изредка требуя от правления Экспедиции дополнительных разъяснений²⁵. Сверх того, отчеты Экспедиции за 1821–1826 гг. были обрешиваны в 1832 г. временной контрольной комиссией для отчетов Гражданского ведомства²⁶.

С переименованием в 1836 г. Главного управления ревизии государственных отчетов в Государственный контроль правление Экспедиции было обязано доставлять теперь свои годовые ведомости в Контрольный департамент гражданских отчетов. Перемена эта, однако, нисколько не отразилась на самом характере ревизий, которые, в противоположность ревизиям, производившимся Советом кредитных установлений, сводились единственно к рассмотрению представленных отчетов без проверки их по подлинным документам²⁷. Немудрено, что такое чисто формальное рассмотрение отчетов в большинстве случаев имело своим последствием получение Экспедицией документа в роде следующего: «Департамент (гражд. отчетов) поверил доставленный правлением Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг отчет в штатных, прибыльных, особо ассигнованных и вступивших по назначенным случаям суммах за 1848 г. По сему отчету сочтено:

а) денежных сумм	в приходе	274.823 р. 71½к.
	в расходе	219.651 р. 71¼к.
	в остатке	55.172 р. ¼к.

б) гербовой бумаги	в приходе	13.854.362 листа
	в расходе	13.023.182 листа
	в остатке	831.180 листов
в) бандеролей	в приходе	2.881.335 листов
	в расходе	2.668.850 листов
	в остатке	212.485 листов

По проверке, утвержденной Советом государственного контроля, все показанные обороты сумм найдены правильными, в чем, с разрешения совета, и дана правлению Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг сия квитанция, с приложением казенной печати»²⁸.

Что касается процедуры самого составления отчетов, то о ней можно составить себе представление хотя бы по журналу правления Экспедиции от 26 апреля 1840 г. Обыкновенно годовые ведомости о приходе и расходе денежных сумм, государственных бумаг и материалов составлял старший бухгалтер правления. Эти ведомости, на основании ст. 908, т. 1 «Свода учреждений министерств», проверялись членами в присутствии правления по подлинным книгам и документам и, если в них не обнаруживалось никаких неправильностей, подписывались управляющим Экспедицией. После этого определялось подписанные ведомости препровождать в Контрольный департамент гражданских отчетов при отношении, в котором указывалось, что эти ведомости подвергались правлением проверке, и что упомянутые в них починки, переделки и новые постройки в здании Экспедиции действительно произведены в должном порядке, согласно архитектурским планам и сметам²⁹.

V

Вообще, дело счетоводства и отчетности по Экспедиции, недостаточно определенно поставленное с самого начала, с течением времени приходило все в больший и больший упадок. Дефекты в нем открывались уже даже из тех отчетов, какие правление Экспедиции посылало в Государственный контроль. Последний, например, обрезавав отчеты Экспедиции за 1857 и 1858 гг., нашел в них ряд неправильностей. Так, Экспедиция, сверх 28.231 руб. 7¼ коп., назначенных в 1857 г. на усиление ее средств, передержала еще 6.067 руб., позаимствовав их из штатной и операционной сумм, на счет ассигнования в следующем году; так поступить Экспедиция, по ее объяснению, была принуждена вследствие экстренности расходов, которых невозможно было предвидеть в начале года,

но, тем не менее, этот поступок был неправилен, так как всякая передержка, согласно пункту 9-му приложения к ст. 320 Общего счетного устава, должна быть утверждена начальством. Далее, когда бывший министр финансов от 7 ноября 1857 г. предписал Экспедиции, в ответ на ее представление, выдать в награду чиновникам 2.560 руб. из прибыльной суммы и будущих остатков от штатной суммы 1857 г., то правление Экспедиции, не имея в то время у себя этих последних сумм, позаимствовало для этого 2.560 руб. из операционных средств, которые пополнила из прибылей не ранее последующего года. Затем, из средств, определенных на содержание рабочей команды, Экспедиция позаимствовала в 1857 г. на счет 1858 г. 608 руб. 87½ коп. для уплаты жалованья сверхштатным чиновникам, а для содержания названной команды в 1857 г. позаимствовала из операционной суммы на счет 1858 г. Наконец, Экспедиция, встречая надобность в дополнительной заготовке дров и имея в виду, что бывший министр финансов уже вошел с всеподданнейшим докладом об испрошении на это высочайшего разрешения, произвела в сентябре уплату за доставленные дрова в размере 35.866 руб., тогда как высочайшее разрешение на эту покупку последовало не ранее октября. Действуя так, Экспедиция, по мнению Государственного контроля, не наносила видимого ущерба казне, но зато напрасно усложняла и даже запутывала отчетность.

«Сверх того, — говорится далее в отношении Департамента гражданских отчетов к министру финансов от 16 декабря 1860 г., — обратили особенное внимание Государственного контроля укоренившиеся следующие в отчетах Экспедиции недостатки: а) отделы штатной суммы: на жалованье, столовые, на содержание рабочей команды и проч. показывались по приходу одной статьей, что, при возврате позаимствований, препятствовало наблюдать, в надлежащий ли отдел долг возвращен, и сколько оставалось к последующему году штатной суммы в каждом ее отделе; б) суммы, поступаемые на удовлетворение частных претензий, выводятся в расход прямо из штатных сумм, без предварительного перечисления в счет сумм переходящих, как это следовало, по правилам счетоводства и отчетности, для уяснения отчетных оборотов, и в) позаимствованные деньги из одних сумм в другие не были показываемы приходом по счетам тех сумм, для которых позаимствование сделано, а выводились в расход на их счет прямо по счетам сумм, из которых были позаимствованы. При таком порядке весьма затруднительно следить за соответственностью платежей позаимствованиям»³⁰.

Дефекты в счетоводстве и отчетности, указанные Государственным контролем, прекрасно сознавались и самим правлением Экспедиции, но устранить их, без реформы всего устройства последней, оно было не

в силах. Признавая факт постоянных позаимствований одних сумм из других, правление оправдывало его, с одной стороны, крайней ограниченностью средств, отпускаемых на содержание Экспедиции по штату, с другой — необходимостью немедленного расхода денег, без испрошения на то предварительно согласия высшего начальства, при получении срочных нарядов на приготовление разных государственных бумаг. Эти заимообразные расходы или пополнялись впоследствии, или же, на основании разрешений министра финансов, зачислялись действительным расходом по тем суммам, из которых они производились. Таким образом, недостаток по штатным суммам бывал постоянно относим на остатки от операционных сумм, т. е. от сумм, предназначенных на приготовление бумаг, так как дефицит обычно происходил от увеличения общих расходов по Экспедиции, вследствие усиления правительственных нарядов на разного рода бумаги. При этом правление Экспедиции — и это следует подчеркнуть — обращалось с позаимствованиями только к действительным остаткам, никогда не требуя дополнительных ассигнований по операционным суммам³¹.

Влиял на неудовлетворительную постановку счетоводства и отчетности по Экспедиции также недостаточный состав ее бухгалтерской части, определенный штатом в том расчете, что ежегодное приготовление государственных бумаг не превысит 10 милл. листов. Когда же Экспедиция, в конце 50-х годов, стала ежегодно производить до 40 милл. листов, обязанности бухгалтерии, естественно, сделались неисполнимыми. Правлению Экспедиции пришлось, напр., отказаться от ведения счетов черпальным формам, штемпелям, матрицам, стереотипам, шрифту, машинам и инструментам, а также вести счета материалам не по мере их расходования, а только по мере заготовки их экономом и отпуска в отделения. Немудрено, что при таких условиях, как это признал в 1860 г. управляющий Экспедицией А. И. Кованько, из подаваемых в последние годы отчетов министру финансов, «при всем старании и знании дела», нельзя было узнать, напр., такой важной вещи, как «во что обошлось приготовление какой-либо бумаги государству»³².

А. И. Кованько думал улучшить дело счетоводства и отчетности составлением особого «рабочего положения», для чего 23 мая 1859 г. обратился к министру финансов с представлением дать разрешение на учреждение при Экспедиции особого комитета, под его председательством и при участии членов правления, заведующих обоими отделениями, и некоторых других лиц. Комитет этот должен был: 1) определить количество материалов с их расценкой, которые требовались для выделки каждого сорта приготовляемой в Экспедиции бумаги; 2) высчитать

необходимое для работ время и число рабочих, и 3) составить, основываясь на этих данных, положение, которое могло бы на будущее время служить твердым основанием при определении потребностей Экспедиции. 3 июня 1859 г. министр финансов ответил, что с его стороны не встречается препятствия к составлению рабочего положения, «буде в таком положении оказывается необходимость»³³.

В то же время в Министерстве финансов, в свою очередь, стали изыскивать меры для улучшения счетной части в Экспедиции: 22 июня того же 1859 г. министр финансов А. М. Княжевич предписал учредить особую комиссию, под председательством М. Х. Рейтерна, для рассмотрения существующего порядка отчетности в Экспедиции и выработки, «сколько можно, простых по сему предмету правил и необходимых форм». В состав комиссии вошли старший директор Экспедиции кредитных билетов, действ. ст. сов. Пипер, состоявший при Министерстве финансов колл. сов. Боссаковский и члены правления Экспедиции: по хозяйственно-полицейской части отст. ген.-майор Кнорринг и по счетной и письменной части ст. сов. Кнох. Так как комиссия эта, «по многосложности предметов, входивших в состав отчетности и счетоводства Экспедиции, и по другим обстоятельствам», медлила с составлением нового «руководства», то министр финансов, не ожидая окончания ее работ, поручил 22 сентября 1860 г. директору Петроградской сохранной казны, ст. сов. Мерцу, войти в подробное рассмотрение отчетов Экспедиции за 1859 и 1860 гг. и сообщить, что нужно для правильной постановки дела отчетности и счетоводства³⁴.

Все эти частные меры привели к тому, что, как писал об этом министр финансов 28 декабря 1860 г. государственному контролеру, было «признано нужным приступить к совершенному преобразованию всего управления и делопроизводства Экспедиции, причем и самое счетоводство подвергнуть коренным изменениям». С представлением о таком преобразовании министр финансов вошел в Государственный совет 9 декабря 1860 г.³⁵

Примечания

- 1 Арх. Кред. Канц. Д. 55. I разр. 1820 г. Л. 31–49.
- 2 Там же. Д. 46. I разр. 1823 г. Л. 1.
- 3 Там же. Д. 315/11. I разр. 1850 г. Л. 131. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 307).
- 4 Там же. «Секретные предложения министра финансов» за 1821–1844 и 1844–1850 гг., в двух переплетенных в красном сафьяне тетрадах с наклейками «32» и «33». (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 2071–2072).

Часть первая. Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг в 1818–1861 гг.

- 5 Арх. Кред. Канц. Д. 55. I разр. 1820 г. Л. 31, 56.
- 6 Арх. Э. Журналы правления. 1831 г. Кн. XXXI.
- 7 Там же. Журналы правления. 1825 г. Кн. XXII. № 251, 266, 271. Отметим здесь, что 20 апреля 1838 г. Экспедицию Заготовления Государственных Бумаг «удостоил посетить Е. И. В. Вел. Кн. Константин Николаевич» и «в сопровождении управляющего Экспедицией изволил осматривать все мастерские и самое производство работ». См.: Арх. Э. Д. 224/13. I разр. 1838 г. Л. 53.
- 8 Там же. Д. 241/25. I разр. 1842 г. О рассмотрении Свода Уставов кредитных установлений. Л. 1–6. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 238).
- 9 Там же. Журналы правления. Кн. XLI. Журнал от 13 марта 1843 г.; Д. 241/25. I разр. 1842 г. Л. 7–10. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1913–1914).
- 10 Там же. Секретные предложения. Кн. 32. Л. 3, 11, 14, 24 и др.; Журналы и постановления (за разные годы). (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 2071).
- 11 Арх. Кред. Канц. Д. 9. I отд. 3 ст. 1852 г.
- 12 Арх. Э. Секретные предложения. Кн. 33. Л. 64, 81, 84, 97 и др.; Журналы и постановления (за разные годы). (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 2072).
- 13 Там же. Журналы и постановления. 1833 г. Кн. XXXV. № 99 и др., 1834 г. Кн. XXXVII и др. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1893–1894).
- 14 Там же. Журналы и постановления. 1834 г. Кн. XXXVIII. № 175. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1895–1896).
- 15 П.С.З. Т. XXXV. № 27496. Ст. 23, 24.
- 16 Арх. Э. Д. 77/40. I разр. 1818 г. Л. 19–20. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 52).
- 17 Там же. Д. 230/17. I разр. 1840 г. Л. 1, 2. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 226).
- 18 Там же. Д. 230/17. I разр. 1840 г. Л. 39, 40. См. также Д. 365/11. I разр. 1850 г. Л. 55, 56; Опись книгам и отчетам типографского отделения за 1849 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 226, 307).
- 19 Там же. Журналы правления за первую половину XIX в., passim; Д. 528/30. I разр. 1857 г. Д. 230/17. I разр. 1840 г.; Д. 20/591. I разр. 1858 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 372, 226).
- 20 Там же. Д. 315/11. I разр. 1850 г. Л. 77, 82 (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 307); Арх. Кред. Канц. Д. 3. I отд. Ст. 3. Ведомости за 1826 г.; см. также: Арх. Э. Журналы правления за первую половину XIX в.
- 21 Арх. Э. Д. 196/12. I разр. 1833 г. Л. 20, 21. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 192).
- 22 Там же. Секретные предложения с 1821 г. по 1840 г.; см. от 13 ноября 1826 г. и от 13 ноября 1827 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 2071).
- 23 Арх. Кред. Канц. Д. 17. Отд. 1. Ст. 4. 1859 г.
- 24 Арх. Э. Журналы правления. Кн. XXIII. Журнал от 8 января 1827 г. Д. 230/17. I разр. 1840 г. Л. 34; Д. 315/11. I разр. 1850 г. Л. 77. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 307).

- 25 Арх. Кред. Канц. Д. 5. Отд. 1. Ст. 1. 1829 г.; Д. 1. Отд. 1. Ст. 1. 1830 г.; Д. 25. Отд. 1. Ст. 1. 1831 г.
- 26 Там же. Д. 12. Отд. 1. Ст. 1. 1832 г.
- 27 Арх. Э. Д. 230/17. I разр. 1840 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 226).
- 28 Там же. Д. 315/11. I разр. 1850 г. Л. 112, 113. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 307).
- 29 Там же. Журналы правления. Кн. LXI. Журнал от 26 апреля 1840 г.; Д. 230/17. I разр. 1840 г. Л. 30. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1907–1908, 226).
- 30 Арх. Кред. Канц. Д. 62. Отд. 1. Ст. 4. 1860 г. Л. 1–4. Такого рода позaimствования делались Экспедицией и ранее 1856 г. и позднее. См. Арх. Э. Д. 432/29. I разр. 1854 г. Л. 127 и след. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 321); Арх. Кред. Канц. Д. 31. Отд. 1. Ст. 4. 1861 г. Л. 12–16.
- 31 Арх. Кред. Канц. Д. 31. Отд. 1. Ст. 4. 1861 г. Л. 33, 34.
- 32 Там же. Д. 11. I разр. 1860–1871 гг. Л. 7 и след.
- 33 Там же. Д. 15. Отд. 1. Ст. 3. 1859 г.
- 34 Там же. Д. 22. Отд. 1. Ст. 3. 1859–1861 гг. Л. 1 и след.
- 35 Там же. Д. 62. Отд. 1. Ст. 4. 1860 г.: «По замечаниям государственного контроля в обревизовании отчетов Экспедиции Заг. Гос. Бум. За 1855 и 1856 гг.».